

«ПОДВАЛЫ, ПОДВАЛЫ ОСМОТРЕЛИ?!»

В Кемерове после пожара в «Зимней вишне» к семьям пропавших людей приехали священники. Они молились за здоровье их близких и верили в их возвращение. И за упокой, когда надежды уже не было. До девяти дней священники находились в штабе и на мемориале у сгоревшего торгового центра. В их числе был протоиерей Евгений Сидорин, священник Казанского храма. Мы поговорили о служении людям во время трагедии, потрясённом Кемерове и кризисе веры.

«Я СИДЕЛ РЯДОМ, МОЛИЛСЯ И НЕ ЗНАЛ, ЧТО СКАЗАТЬ»

Вечером 25 марта я ехал на службу в храм. Узнал, что горит «Зимняя вишня». Тогда я даже не мог представить, какими жертвами это обернётся. Уже дома я услышал о первых погибших и пропавших без вести. Стало понятно, что произошла большая беда.

На следующий день утром поехал в штаб ЧС, школу № 7. Она находится рядом с торговым центром. Что меня поразило: на улице Сарыгина я вышел из машины и почувствовал запах гари, хотя до торгового центра было не близко – метров восемьсот, да ещё с подветренной стороны.

В школе с порога ощутил другой запах – корвалола, валерьянки. Сильный, тяжёлый, он висел в воздухе. В спортивном зале сидели родственники пропавших людей. Их было немного – пять-семь семей. Многие к утру ненадолго вернулись домой, кто-то давал показания следователям.

Волонтёры мне рассказали, что ночью здесь уже были мои коллеги – священники Геннадий Князев и Сергей Адодин. Они провели службу и поговорили с близкими, попытались их успокоить. Хотя в такой ситуации это вряд ли было возможно.

Я опустился на лавочку в спортивном зале, рядом с близкими. Сидел, молился и не знал, что сказать. Понятно же, что девяносто девять процентов этих людей потеряли своего ребёнка. А кто-то и двух, и трёх. Как утешить? В то же время уйти нельзя. Вот и возникает такая ситуация – сократить дистанцию ты не решаешься, а увеличить её – тоже неправильно.

Через какое-то время я увидел женщин. Они встали недалеко от меня. Я осторожно спросил: «Вы потеряли кого-то из близких?» Оказалось, подругу. Попросили помолиться, сказали, что она крещёная была – имя Полина, а в крещении – Апполинария. И весь пост держала. Я и сейчас молюсь за неё. Как и за всех погибших, чьи имена знаю.

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЫ ПРИЕЗЖАЛИ В ШТАБ И БЫЛИ ТАМ, СКОЛЬКО МОГЛИ»

Кемеровские священники создали группу в WhatsApp. Мне тут же написали, что другие батюшки едут и вот-вот сменят меня. Это всё про-

168

изошло стихийно, не по указке. Каждый день мы приезжали в штаб, а затем и на мемориал у торгового центра. В первые три дня даже не распределяли дежурства, а находились с родственниками погибших столько, сколько могли, сменяя друг друга.

Священники писали: «Скоро приеду», «Подъехать пока не могу, что происходит в штабе?» Никто не остался в стороне. Меня очень порадовало, что мои собратья искренне приходили туда, чтобы людей поддержать, быть рядом с ними в тяжёлые минуты.

Отец Даниил вернулся из похода в горы. О трагедии он узнал в дороге и приехал в штаб сразу же, даже не отдохнув толком. Другой батюшка уезжает из Кемерово навсегда, в епархии он служил последние две недели – сдавал дела. После пожара он в штабе целыми днями находился.

«РОДИТЕЛИ КРИЧАЛИ НА ПОЖАРНЫХ, А ТЕ НЕ МОГЛИ ОТВЕТИТЬ»

27 марта я застал в штабе страшную сцену. К родственникам зачем-то отправили пожарных, которые работали в «Зимней вишне», когда начался пожар. Тяжёлый был разговор. Отец трёх девочек на доске рисовал схему торгового центра, в котором погибли его дети. Спрашивал: «Почему вы их не спасли?» Ему вторили и остальные.

Родители, обезумевшие от горя, возмущались, кричали, а пожарные ничего ответить не могли. Сами переживали. Да и знали ли они всё? Хорошо, что ситуацию смог разрядить помощник губернатора – заверил, что все жалобы родственников запишут, во всём разберутся.

Мне рассказали потом, что один из пожарных после трагедии в «Зимней вишне» начал пить. Когда всё закончилось, ушёл в запой, ни на что не реагирует. Для них это тоже потрясение. Кто-то один, может, и не пошёл к детям, потому что испугался за свою жизнь. Но не все же! Этого быть не может.

Многие могли просто не знать, что в одном из залов остаются люди, хотя родные, которым звонили запертые в зале дети, и просили, требовали что-то предпринять, но... Не сработала система.

«НЕКОТОРЫЕ ОТКАЗЫВАЛИСЬ ОТ ПОМИНОВЕНИЯ – В НИХ ЖИЛА НАДЕЖДА»

У родственников до последнего была надежда, что их близкие вернутся из «Зимней вишни» живыми. 28 марта им сказали, что здание внутри

полностью обследовали. И они сразу же закричали: «А подвалы, подвалы осмотрели?» Они верили, что их дети могли спрятаться там – на улицу не выбрались, а вниз по какой-то лестнице спустились. Но в подвалах никого не было.

Одна женщина потеряла на пожаре троих детей. В первую же ночь в штабе батюшка её исповедовал. Она попросила, чтобы он помолился за упокой. Официально ещё не объявляли, что все погибли. Но она трезво, смирившись, попросила об этом.

В другие дни, когда уже было известно число погибших, я предлагал людям записать имена их родных и отслужить поминальную службу. Некоторые отказывались: «Наших ещё не нашли. Мы не хотим...»

Какими словами можно в такой горе поддержать семью? Я был бы самонадеян, если бы назвал вам какой-то универсальный рецепт. Его нет. В такой ситуации всегда теряешься. Умом понимаешь, но прочувствовать эту боль до конца не сможешь, только если не переживёшь то же самое. Накатывает бездна пустоты, отчаяния.

Интуитивно я понимаю: надо быть невдалеке. Важно сочувствие, иногда молчаливое. Я видел, как к семьям погибших и пропавших без вести подходили психологи и говорили о чём-то. Их учат этому, они знают, как нужно.

ЛЮДИ ПРИНОСИЛИ СЛАДОСТИ И ИГРУШКИ, КАК ЖИВЫМ

У торгового центра 26 марта появился мемориал. Люди приносили туда цветы, игрушки, свечи, иконы... Мы служили там заупокойные службы с 8 утра до 11 вечера, каждый час.

Меня поразило, что люди приносили в память о погибших детях ещё и сладости. Есть традиция приносить конфеты, печенье и блины на кладбище. На мемориале люди оставляли торты, конфеты «Рафаэлло», шоколад. Как будто живым.

Каждому хотелось что-то сделать, отдать дань памяти или помочь родным. Многие на мемориал приводили маленьких детей. С первого же дня кемеровчане несли продукты в штаб ЧС, в школу. Для родственников погибших и сотрудников МЧС, которые работали на пожаре. У нас там не было перебоев со снабжением, но эта поддержка согревала. Беда объединила весь город.

Мемориал сохранится до 40 дней. После этого его разберут. Уже решено, что игрушки никто не выбросит. Это тоже память.

КОГО БОГ СПАС В «ЗИМНЕЙ ВИШНЕ»

Однажды после службы ко мне подошла пожилая женщина. «Мы с внучкой собирались на этот сеанс в «Зимнюю вишню», – сказала она, – в последний момент передумали».

Позднее я слышал истории других людей, которые должны были находиться в здании в момент пожара. Студентка рассказала, что группе историков подарили приглашения в боулинг в торговом центре. Он находился на третьем этаже. Ребята туда как раз в 15–16 часов собирались прийти. Она меня спросила: «Как думаете, сколько человек пошло в итоге?» Я думал, не меньше половины, оказалось – ни одного!

2 апреля мы служили панихиду в Казанском храме. Собирали имена для благодарственного молебна. На одной из записок увидел пометку: «За то, что Бог спас в «Зимней вишне». Видимо, есть ещё такие истории...

КЕМЕРОВО СКОРБИТ

Трагедия изменила нас. Даже те люди, кого она прямо не коснулась, сопереживают семьям погибших. Приезжал к 85-летней прихожанке, она уже не выходит из дома. Она сказала, что всю неделю оплакивает детей.

Певчая из храма нашего рассказала на днях: «Не могу найти себе места. Не представляю, как когда-нибудь смогу пойти в кинотеатр с ребёнком». Настолько в людей страх этот проник... И что с этим делать? Призвать людей не ходить в торговые центры?

В городе отменили все концерты. 12 апреля ждали «Руки вверх», полный зал собирался. Организаторы поступили правильно – пусть и прошли девять дней, но раны затянутся не скоро. Не время сейчас для этого.

«БАТЮШКА, А КУДА НАМ ТЕПЕРЬ ПРИХОДИТЬ?»

Сейчас в городе идёт голосование – что построить на месте сгоревшего торгового центра, в котором погибли 60 человек. Не знаю, кому в голову пришло разделить наше общество: «Вы за сквер, за часовню или за памятник?». Разве это нельзя совместить?

Когда я служил в штабе, ко мне подходили люди и спрашивали: «Батюшка, а куда нам приходиться? У наших близких даже могилы может не быть». Если в годовщину семья придёт на место, где погиб их ребёнок, а там какой-то парк со скамейками? Я считаю, что родственники должны решать, что на месте трагедии строить. Последнее слово пусть остаётся за ними.

Недавно я узнал, что в 1911 году на Прощёное воскресенье сгорел Бологовский кинематограф в Новгородской губернии. Тогда погибли 64 человека, 43 из них – дети. На месте их гибели построили часовню – в память о погибших.

СМЕРТЬ – ЭТО НЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Как пережить это горе? По-другому посмотреть на эту ситуацию, изменить ценности. Человек состоит из тела и души.

Я читал стихотворение одного петербургского поэта, Артура Харлампиева, оно есть на нашем местном сайте. Или как в песне Максима Фадеева «Ангелы». Или у Шевчука: «На небе вороны, под небом монахи...» Он ведь об умершей жене своей её написал.

Первое – надо помнить, что смерть – это не исчезновение. Второе – молиться. Молитва – это наше общение с умершим близким человеком. Мы обращаемся к нему через Бога, просим, чтобы он помиловал души наших родных. И в ответ получаем некий мир, покой на душе. Так мы поддерживаем духовную связь между нами и близкими.

Сейчас многие говорят о том, как Бог такое допустил. Этот вопрос и раньше звучал. Например, когда десятки тысяч людей сжигали в печах Освенцима и Бухенвальда. В то же время были люди во все времена, которые жертвовали собой ради ближних. И в Бога верили.

Почему Бог забрал наших детей? Мы не знаем. Кто-то уходит из жизни в младенчестве, кто-то – в среднем возрасте. Как сказал один батюшка, мы все покойники в отпуске... Впереди жизнь вечная. И кто сказал, что она хуже земной?

Татьяна ХЛЕБНИКОВА

